

УДК 81'374:37.018 (575.2)(04)

ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ
АВТОРСКОЙ ФРАЗЕОЛОГИИ Ч. АЙТМАТОВА

Л.И. Дмитриева

Анализируются возможности лексикографирования авторской фразеологии Ч.Т. Айтматова с учетом различных способов трансформации.

Ключевые слова: лексическая трансформация; семантическая трансформация; лексико-семантическая трансформация; контаминация.

Одним из наиболее спорных вопросов фразеологии является вопрос о включении в состав фразеологии пословиц, поговорок, крылатых выражений, этикетных формул и иных устойчивых выражений коммуникативного характера. При описании авторской фразеологии Н.М. Шевченко рекомендует исходить из ее широкого понимания, включая, помимо идиом, устойчивые (несвободные) словосочетания и паремию. Это обусловлено тем, что “они”, несомненно, являются знаками, обладают содержанием, выходящим за пределы их плана выражения, используются в коммуникативных целях, выражают реалии в обобщенном виде, зависят в смысловом отношении от ситуации своего употребления, т.е. обладают всеми свойствами, которые присущи и фразеологизмам в узком понимании [1, с. 47].

Уникальность авторских фразеологических единиц заключается в создании неожиданного образа, который становится основой номинации. Этот образ складывается в результате совмещения прямого и переносного значений каждого слова, вошедшего во фразеологизм.

Проиллюстрируем это на примерах употребления фразеологизмов в русскоязычных текстах произведений Ч. Айтматова, который одинаково тонко ощущал образную природу как кыргызского, так и русского слова.

Особенно ярко это проявляется в его отношении к фразеологическим единицам, которые являются одним из основных изобразительных средств его прозаических текстов и диалогов. Фразеологические единицы создают яркую образность и экспрессию благодаря творческому подходу автора к этим уникальным единицам

языка. В прозаических текстах более 2000 фразеологизмов, 35% из которых употребляются в авторской трансформации, а 15% являются авторскими [1].

Одно из главных мест в текстах Айтматова занимает разговорная фразеология. Например: “Случается, **диву даешься**, слыша от детей такие суждения, каких, простите, не знают наши мудрецы. Что они должны переживать, какой **ад бушует** внутри них!” [2, V, с. 271]; “Распалась связь времен. Мы **оторвались от своих корней**. Бегущее человечество, за которым **рушатся и исчезают мосты**” [2, V, с. 434].

Айтматов включает фразеологизмы в речь, придавая ей своеобразный колорит: “И то ли уже **потерял надежду** когда-нибудь вернуться в родные места, а может, и под воздействием изрядно выпитого с горя самогона, – словом, **бес попутал** меня, и я выбросил в реку свой старый ватник, во внутреннем кармане которого были вещи Торекула” [2, VI, с. 168]; “Если умирал **знатный человек**, то **двери загробного мира** вместе с ним должна была открыть самая любимая из многочисленных жен. Это приводило к **разного рода эксцессам**, и потому друзья при жизни своего товарища старались выяснить, кто из жен – самая любимая. Когда друзья покойного объявляли ее имя, она **была на седьмом небе от счастья**” [2, VI, с. 575].

Фразеологизмы делают айтматовский текст не только более живым и образным, но и информационно насыщенным благодаря своей специфической особенности кодировать информацию о мире и об отношении автора к нему: “Тогда, помнится, подумалось: какой же должна была

быть удивительной жизнью далеких, неведомых мне людей, если в их **сердце родилась** (или, может, их **осенила**, к ним **снизошла**) **небесная музыка**” [2, V, с. 441]; “Мои родные, тетушка и дядя, очень гордились, что я учусь в городе. Считалось, что я обрету уважаемую профессию и, вернувшись, **даст Аллах, выбьются в большие люди**” [2, VI, с. 176].

Значительное место в текстах Айтматова занимает книжная фразеология (мифического, библейского, литературного происхождения): “Именно рунические надписи Орхона и Енисейских каменных памятников дали возможность заполнить те **белые пятна истории**, которые имелись в истории Казахстана и Кыргызстана, они дополнили те находки подобных же каменных надписей, которые были найдены до этого” [2, VI, с. 481]; “Возьмем хотя бы **краеугольный камень** русского реализма – “Мертвые души”. И что же? Это ли не **божественный пир** символики, гиперболизма, всеобъемлющий **пожар поэтического воображения?**” [2, V, с. 290]; “**Время разбрасывать камни и время собирать камни**” [2, V, с. 373]; “Боюсь, что, апеллируя к классике, некие ревнителю “прекрасного, вечного” не прочь использовать ее как **прокрустово ложе** для всего, что им кажется необычным в современной литературе, и отлучить таки образом многих современных писателей от реализма” [2, V, с. 290]; “Литература должна самоотверженно **нести свой крест**, вторгаться в сложности жизни, с тем чтобы человек знал, любил все дорогое, лучшее, достойное в себе, в людях, в обществе” [2, VII, с. 299]; “Христианские святыни, священный город Иерусалим, в котором находится гроб Господень, останки Иисуса Христа **оказались под пятой у мусульман!**” [2, VI, с. 484]; “Люди тоже, конечно, испытывали смутные страхи **перед лицом неотвратимого фатума**, но вряд ли кому приходило в голову, что вместе с ними исчезнет род человеческий. В принципе человечество **ощуцало себя бессмертным**”.

Мастерское соотношение, умение приблизить народные образы к мифологическим для конкретизации их семантики расширяет временное и культурное пространство в текстах Ч. Айтматова: “**В ту пору было занесено в черные списки и отправлено в небытие** множество лучших художественных творений казахского народа – поэмы и сказания, прекрасные образцы устного народного творчества” [2, VI, с. 197]; “**Путь к Богу начинается для каждого с себя, но если Бог останется только для личного пользования, в нас самих, “в себе” и “для себя”, то этот**

поистине “**частнобственнический**” путь **приведет не к добру, но к злоупотреблению Богом в корыстных целях**, к оправданию возможных несправедливостей и насилия как в частной, так и в общественной жизни” [2, V, с. 420].

Ч. Айтматов прекрасно знал историю киргизского народа, его традиции и законы. В своих текстах он использует большое количество народных поговорок и пословиц: *Благими намерениями вымощена дорога в ад* [2, VI, с. 535]; *Без вины виноватый* [2, V, с. 275]; *Бог – в ребрах, а не в бревнах (определение староверов)* [2, V, с. 428]; *В огне не горел и в воде не тонул* [2, VI, с. 529]; *Время разбрасывать камни и время собирать камни* [2, V, с. 373]; *Голова человеческая – всего лишь мяч в руках Аллаха* [2, VI, с. 167]; *Если спешишь – иди в обход* (яп. посл.) [2, V, с. 387]; *Если в горах плачет ребенок кыргызов, в долине у матери-казашки болит грудь* [2, VI, с. 511]; *И на нашу улицу пришел праздник* [2, VI, с. 172].

В авторской паремии проявляется творческое самовыражение Айтматова несмотря на то, что создана она по существующим фразеомоделям.

Обращает на себя внимание и индивидуально-авторская фразеология Ч. Айтматова, которая удивляет своим духовным богатством и выразительностью: *(наивно-мудрое сердце детства; найдет пристанище в сердцах; найти самую больную точку; нанизывались строки коралловым ожерельем; неверный поступок человека отзывается ему эхом; искололи душу и тело; нести груз ответственности)* “**В** вечное наивно-мудрое **сердце детства вошел ужас** нашей эпохи, которым проникнуты и мы, взрослые, – сознание того, что возможно исчезновение жизни на Земле” [2, V, с. 255].

Обращает на себя внимание и подтекст Айтматова, позволяющий читателю понять то, о чем пишет автор: “Когда мне говорят: зачем это вам нужно было, когда один из героев “Пегего пса...” обращался к обыкновенной лодке: “Брат мой каяк!”, как-то неловко объяснять, что не мне это было нужно, а в этом проявляются сокровенная природа и философия героя, человека, для которого каяк действительно брат. Он **создал его своими руками, вложил в него душу, а теперь и надежду преодолеть стихию**” [2, V, с. 291; VII, с. 320]; “**Вырвать из жизни кыргызского народа “Манас” – то же самое, что отрезать язык всему народу. Избавится ли, наконец, наше общество от излишней прыти, когда вместе с чубом сносится и голова?**” – сказал в конце своей речи Ауэзов и, помолчав немного, повернул-

ся к Боровкову. *Тот съезжился и, словно индюк, втянул голову в плечи*” [2, VI, с. 196]; *“Говорят, в древности один китайский император искал тайное лекарство от старости и смерти. Это красноречиво свидетельствует о том, сколь глубокие корни пустили страдания в существование человека”* [2, V, с. 424].

Большой интерес представляют известные фразеологизмы, используемые Айтматовым в трансформированном виде. А.М. Бабкин считает, что изучение авторского употребления ФЕ “представляет бесспорный теоретический интерес как для исследования процесса развития фразеологического запаса национального языка, изучения жизни отдельных фразеологизмов, так и для выявления стилистических возможностей литературного языка, а также роли мастеров языка и стиля в обогащении национального языка средствами выразительности” [3, с. 15].

Использование фразеологизмов в тексте Айтматова всегда творческое. Несколько трансформируя фразеологизм, Чингиз Айтматов может создать целый ряд художественно-стилистических эффектов: *“Пусть многие из нас не отдают себе отчета, но это кажется “сном наяву” – чудом, свалившись, так сказать, с неба”* [2, V, с. 433]. Употребление фразеологизма в свободном, нефразеологизированном значении приводит к игре смыслов, основанной на одновременном восприятии выражения как свободного, так и фразеологически связанного. Этот прием создает эмоционально-экспрессивное отношение к ситуации, описанной в тексте: *“Однако в наши дни поистине редкость, чтобы ГОЛОС писателя, ГОЛОС представителя интеллигенции, подобно голосам Гюго, Золя, Толстого, преодолев границы, потряс души людей, вызвал в них бурю откликов. Особенно в развитых странах (конечно, есть нечто искусственное в этом названии, объединяющем их в единое целое) человеческое сердце в общем замкнулось, не желая духовной солидарности”* [2, V, с. 342].

Дело в том, что трансформация может быть сугубо индивидуально-авторской и узуальной. Вариант можно считать узуальным, если он встречается по меньшей мере у двух разных авторов. Вместе с тем нет жестких границ между узуальными и индивидуальными вариантами [4, с. 61]. В текстах Айтматова наблюдаются различные типы авторской трансформации фразеологизмов.

Самым распространенным приемом в творчестве Ч. Айтматова является лексический. Он направлен на конкретизацию внутренней формы ФЕ

(прием вклинивания дополнительных компонентов в структуру ФЕ; лексическая замена компонента; усечение компонента из общей структуры фразеологизма). Используя эти приемы, Айтматов пытается уточнить заложенный во фразеологизм образ, придать ему яркость той среды, которую он описывает: *“Еще бы: каждый сам себе царь и бог, каждый делает то, что ему... заблагодарассудится. А упали шоры с глаз – и что же мы видим? Нет, демократия прежде всего – твердый порядок. Она должна иметь свойственные ей рамки и ограничения”* [2, VI, с. 301]; *“Так и с людьми. Простившись навсегда с земной жизнью и уйдя в небытие, многие остаются в памяти живущих немеркнувшей звездой”* [2, VI, с. 194].

Эффективным, приёмом в творчестве Айтматова является умелое построение предложения с использованием фразеологизмов различной стилистической окраски: *“Сами на себя надели ярмо рабской психологии, сунув под него покорные шеи. Остальные дружно, единогласно хлопали в ладоши”* [2, VI, с. 479]; *“Осознав же это, нужно, я думаю, увидеть себя, как в зеркале, и ужаснуться, поняв, может быть, жертвой каких противных человеку соблазнов мы стали”* [2, V, с. 428]; *“Выбор был не густ: либо “сожительствоуй” до гробовой доски со своей суженой, как кошка с собакой, хорони себя заживо, либо клади партбилет на стол, получай клеймо преступника и прощайся с работой”* [2, VI, с. 5].

Для описания состояния автор использует очень яркие контрасты, которые заставляют читателя ощутить на себе и холод, и жар душевного состояния: *“Чего греха таить, в тот миг я презирал себя. Словно в лютую стужу холодным металлом обожгло, что не исполнил я последнюю просьбу человека, который в трудный час протянул мне руку помощи, а потом доверился мне”* [2, VI, с. 169].

Любое преобразование фразеологизма становится началом рождения нового образа в творчестве Ч. Айтматова. Для того чтобы образность стала более выразительной, яркой, насыщенной, Айтматов использует нанизывание фразеологизмов синонимического значения: *“Ты никакого преступления не совершил, к тому же ты молод. Ты здесь только по делу твоего брата. Смотри, будь начеку, не дай следователю провести себя. Не предавай никого. Держись, не отступайся. В конце концов тебя освободят”* [2, VI, с. 166].

Для яркости и насыщенности образа Айтматов использует прием контаминации, где две фразеологические единицы преобразуются в одну новую форму фразеологизма: *“Оголодавший*

народ разбрелся кто куда. Большинство **влачи-ли жалкое существование той самой общинной курицы**, некому было их защитить от жары и стужи” [2, VI, с. 358]; “Но как не сетовать на судьбу, что **накинула петлю на его мечту и сковала ее в кандалах?** Роман этот так и не был написан...” [2, VI, с. 204].

В статье “Очерки по фразеологии” Б.А. Ларин писал: “Путь мысли от частного к общему, от конкретно-единичного к типично-обобщенному отражается в языке созданием метафорических, образно-иносказательных выражений, а дальше отвлеченно-точных формул и условно-символических обозначений” [5, с. 76]. Говоря о мастерстве Айтматова в работе над словом, необходимо обратить внимание и на авторские формулы. Веяния времени, человеческие искания истины, чувства, переживания определили мысли Айтматова, утвердившиеся в четких, выразительных формулах с глубокой логикой: *Искусство – залог бессмертия* [2, V, с. 527]; *Великие поэты – учителя народа* [2, VII, с. 194]; *Мертвое слово не рождает живого отклика* [2, V, с. 285]; *...реальная действительность фантастична... она страшнее любой фантастики, ибо... реальна* [2, V, с. 451]; *Писатель пишет даже тогда, когда он ничего не пишет* [2, VI, с. 283]; *Там, где есть запрет на свободу слова и оппозицию – там умирает истина* [2, VI, с. 393]; *Мир вечно обновляется – и рождается заново! – в сердце ребенка* [2, V, с. 295]; *На пик Эвереста чувств поднимаются единицы* [2, VI, с. 589].

*Айтматов прекрасно понимал задачи, которые стоят перед писателем: “Ответственность писателя – в **выстраданном слове, полном муки, боли, веры, надежды людей, от имени которых ему поручено говорить**”* [2, V, с. 341]. Проиллюстрированный подход к слову и есть индивидуальное самовыражение языковой личности, способствующее созданию речевого портрета Ч. Айтматова. Это подтверждает мысль В. Гумбольдта о том, что каждый индивид употребляет язык для выражения именно своей неповторимой самобытности и только в речи индивида язык достигает своей окончательной определенности [6].

Литература

1. *Шевченко Н.М.* Основы современной фразеологии: Монография. Бишкек: КРСУ, 2009.
2. *Айтматов Ч. Т.* Собрание сочинений: в 7 т. / сост. и ред. акад. Р. Рахманалиев. М., 1998.
3. *Бабкин А.М.* Лексикографическая разработка русской фразеологии. М.–Л.: Наука, 1964.
4. *Гак В.Г.* Фразеологическая трансформатика и проблемы фразеологии // Фразеологизм и его лексикографическая разработка. Минск: Наука и техника, 1987.
5. *Ларин Б.А.* Очерки по фразеологии. Лексика и лексикография: сб. научн. тр. / Рос. акад. наук. Ин-т языкознания; Орл. гос. политех. ин-т: вып. 10. М., 1999.
6. *Гумбольдт В.* Избранные труды по языкознанию. М.: Прогресс, 1984.